

Батай, Кокто, Жене... Сочетание всех этих факторов и дает такую книгу, как «Paris de nuit». Такую, чтобы вместе с «Тропиком Рака» и «Праздником, который всегда с тобой» образовать популярную туристическую трилогию, легшую в основу мифа о «Париже великой эпохи».

«Ночной Париж» многоликого Брассая, фотографа бретонского «Минотавра» и многолетнего сотрудника Harper's Bazaar, иллюстратора Превера и репортера Life — это городок в табакерке с двойным дном.

Пустынный, потому что ночной, утонувший в слегка старомодном пикториалистском тумане, растворившийся в призрачном свете фар и газовых фонарей, разрисованный сложными кривыми тротуаров, бульваров и набережных — Брассай все же был выдающийся график, Пикассо как раз и советовал ему не валять дурака с камерой, а заняться рисунком. Но этот вроде бы глубоко интимный портрет Парижа оказывается всего лишь видом снаружи, внутри же спрятан второй, настоящий, если в сюрреалистических снах есть что-то настоящее, город. Город ночных кафе и борделей, наркоманов и сутенеров, шлюх и гомосексуалистов, уличных банд и гуляк, пожилых расфуфыренных нимфоманок за столиком и усталых стриптизерш за сценой, продажных поцелуев, отраженных в зеркале дешевого номера, и дряблых задниц проституток, вышедших на парад перед клиентом в чем мать родила, но на шпильках. Город в аромате гашиша и сифилиса — «чрево Парижа» вспорото, и из него кишками вываливается бессознательное. Если в литературе Брассай был недюжинный прозаик, то в фотографии — поэт. Виртуоз «автоматического письма», первый опыт которого пережил вместе с Дали, когда снимал для него «непроизвольные скульптуры» — серию со скомканными автобусными билетиками и извлеченными из карманов катышками, материальными следами невротической работы подсознания. Строки «автоматического письма» он наловчился считывать прямо со стен, став едва ли не первым художником мира, обратившим внимание на городские граффити — в изначальном смысле слова, то есть на заборные каракули, в наскальных образах которых проступает нечто первобытное, из области тотема и табу.

Ретроспектива Брассая в Москве — не первая, в 2006-м его снимки уже привозили на Фотобиеннале. На этот раз обещают чуть больше: не только фотографию — ночной и тайный Париж, обнаженных в будуарах, авангардистов в мастерских, граффити и «непроизвольные скульптуры», — но и графику со скульптурой. Но и без новинок, скульптурной «Головы Пикассо», например, Брассай — это праздник. Который не всегда с нами.

Москва, Мультимедиа Арт Музей, до 14 октября

«Искусственное небо», 1934 год

«Экзотический сад в Монако», 1945 год

«Жан Маре позирует Пикассо», 1944 год